

— Почему на руках его несешь!
— Да он еще мал, до мясокомбината сам не дойдет.

КРОКОДИЛ

А судьи кто?

Мистер Даллес изволил «не доверять» советским людям. Ему подражают даллесообразные в разных капиталистических странах. Они требуют, чтобы Советский Союз «доказал на деле» искренность своего миролюбия. Без этого, говорят даллесообразные, не может быть переговоров о мире.

Даллес и даллесообразные провозглашают себя судьями советской искренности.

Мы могли бы сказать, что это цинизм, доходящий до кощунства.

Но мы предпочитаем сказать, что это бессознательный юмор, годный курам на смех.

Не то что мы совсем отрицали бы искренность самого Даллеса и даллесообразных. Нет, они, несомненно, искренни, когда не скрывают своей ненависти к Советскому Союзу, к социализму, к народной демократии. Но когда они заводят речь о том что «русским трудно доверять», их нельзя слушать без отвращения и смеха.

Действительно, Даллес отказывает в своем доверии Советско-

му Союзу, но уже не только Западая Европа, а и Америка отказала в доверии Даллесу и его политике!

Даллесу не верят больше даже некоторые его соратники в Белом доме. «Стассен против Даллеса!» — кричат заголовки в американских газетах. Если в Западной Европе на стенах домов появляются обычные надписи «Янки, убирайтесь домой!», то в печати США все чаще и настойчивее слышатся любезные приглашения: мистер Даллес, пожалуйста в отставку!

А мистер Даллес забаррикадировался в своем департаменте и продолжает нам «не доверять». Невероятно, но факт! Ему бы самому поискать доверия... Права французская газета «Миди-Либр», когда она заявляет: «Если Даллес не пользуется доверием своих партнеров... он не может ожидать доверия от своих противников».

На требование «доказать на деле» свое миролюбие советский народ спокойно и не без иронии отвечает:

— Кто требует? От кого требуют?

Не требуют ли такого доверия «на деле» те политики в Англии и Франции, которые учинили внезапное и ничем не спровоцированное нападение на мирный народ Египта? Это не они ли судьи в вопросах искренности и миролюбия?

Смешно.

Это не могучее ли государство Израиль, усевшись на запятках у крупных империалистических держав, натягивает на себя судейскую тогу и собирается судить о нашей искренности?

Недостойный балаган.

Это не английские ли генералы, посылающие самолеты, чтобы бомбить бедные хижинки мирных арабских крестьян в Омане и Йемене, намерены расценивать наше миролюбие в меру своей любви к миру?

Вздорное шутовство.

Это не храбрый ли адмирал, начальник американского 6-го флота, который бесстрашно вторгся в территориальные воды Сирии и назвал свои орудия на мирные прибрежные города, будет требовать от нас «на деле» доказательств нашего миролюбия?

Глупая комедия.

Разговоры о нашей «неискренности» просто неприличны. Они и бессмысленны. Народы всего мира знают, что Советский Союз — это единственное государство, которое добровольно и непрерывно сокращает свои вооруженные силы; что советские самолеты не сбросили ни одной бомбы на мирных людей и не подожгли ни одной мирной крестьянской хижины...

Народы всего мира уже дали достойный отпор циническому лицемерию даллесообразных. Народы недвусмысленно выразили свое доверие Советскому правительству. Они требуют поддержать его мирную инициативу, требуют переговоров о мире, прекращения «холодной войны» и атомного психоза.

Положение, в которое попал сейчас Даллес, очень поучительно. Он пытался подорвать доверие к советскому народу, а подорвал доверие к внешней политике США и к самому себе.

ПО БАГДАДСКОМУ ПРОЕКТУ

Американские империалисты намерены разместить базы ракетного оружия вблизи мусульманских святынь Мекки и Медины.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Бор. Ефимов - 58.

— Прекрасные минареты для вашей древней мечети, не правда ли?

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Товарищ Петухов

Запрещает...

Московские строители имели все основания ликовать. Еще бы! С Новороссийского цементного комбината обещали спешно отгрузить нужные им до зарезу шесть тысяч тонн цемента. Да, цемента, этого предмета вождления многих хозяйственников.

Ничего, казалось, не стояло на их пути. Наряд Главстройбыта? Вот он, в кармане. Транспорт? Министерство путей сообщения, обычно прижимистое, на этот раз расщедрилось и выделило 200 вагонов.

Итак, повторяем, зодчие столицы пребывали в радужном настроении. Сладостной музыкой звучали в их ушах бодрые рапорты, несущиеся из Новороссийска:

— Выписаны железнодорожные накладные!

— Вагоны поданы к эстакадам!

— Цемент будет отгружен обязательно до нового года!

Но... сколь эфемерно и призрачно человеческое счастье! Москвичи совсем упустили из виду одно чрезвычайно важное обстоятельство. Где им предстояло получать цемент? В Новороссийске, на территории Краснодарского края. А кто там хозяин? Председатель Краснодарского крайисполкома тов. Петухов.

И он сам напомнил москвичам о своем существовании. Несущаяся из Новороссийска пленительная музыка вдруг сбилась с ритма и умолкла. Последовавшую за этим паузу нарушил зычный голос прибывшего в Новороссийск тов. Петухова:

— Эт-то что такое? Цемент в Москву? Немедленно прекратить отгрузку! Отправлять цемент только организациям Краснодарского края!

Ему доказывали. Его убеждали. Умоляли, наконец. Но тов. Петухов был глух ко всем доводам.

— Нам цемент самим нужен, — холодно отвечал он. — Жаловаться будут? Пусть жалуются куда им угодно.

Так двадцать пять важнейших столичных строек остались без цемента.

Вот каков печальный финал этой истории с цементом. Утешает москвичей лишь то обстоятельство, что тов. Петухов ограничен в своих поступках пределами Краснодарского края. А если посадить его, к примеру, в Баку или в Донбасс?! Насиделись бы тогда москвичи без бензина и угля!

Н. БАЖЕНОВ

КОЛХОЗНАЯ БРИГАДА «СЕМЕРО С ЛОЖКОЙ»

НАРУШИТЕЛИ ГРАНИЦ

Мы были знакомы с Павлом Сергеевичем Конюшиным по Средне-Михайловску, где я бывал в командировках и где мне не раз приходилось слушать на всяких совещаниях его установочные выступления. Поэтому сейчас, когда мы вместе с ним очутились в одном купе, я искренне обрадовался такому соседству и, прежде чем располагаться на отдых, пригласил Конюшина в вагон-ресторан.

Конюшин вытаращил на меня глаза, словно я предложил ему, по крайней мере, прыгнуть без парашюта с искусственного спутника Земли.

— В ресторан? Сейчас? — ужаснулся он. — И речи быть не может! Не уговаривайте!

Когда же я вернулся из ресторана, сосед с нескрываемой завистью спросил:

— Ну, как, подкрепились?

— Напрасно отказались, — поддразнил я. — Отбивная — объедение! А «Столичная» после мороза сама в рот просилась. Даже я, дважды стенокардист, не в силах был отказать от ста граммов. Вы что, тоже сердечник? — сочувственно спросил я.

— Хуже! — загадочно буркнул Павел Сергеевич и, мрачный, усталый в окно. — Карандеевку проезжаем... Два месяца здесь на посевной командовал. Уполномоченным! На первое место вышел...

— Знаю этот район, — отозвался я. — Там чудесная библиотека.

— Мне там, признаться, было не до библиотеки. Газету не всегда просматривал. По радио едва погодой успевал интересоваться, и то потому, что боялся дождей: как бы они мне посевную сводку не испортили. — И Конюшин снова прилип к окну. Затем, ни к кому не обращаясь, мечтательно произнес:

— Скоро Аносовка... — и тяжело вздохнул: — Еще целый час!..

Этот час тянулся для Конюшина нестерпимо долго. Он буквально места себе не находил. Вынул из портфеля какие-то бумаги и тут же упрятал их обратно. Попросил у меня журнал, рассеянно просмотрел иллюстрации и через несколько минут отложил в сторону. Вышел в коридор и нервно продолжал всматриваться в окно. Наконец, возбужденный и радостный, вернулся в купе:

— Подъезжаем к Аносовке!.. А там и мы пойдем в ресторан.

Под убаюкивающий перестук колес я прикорнул и сквозь дремоту услышал, как стукнула дверь: Павел Сергеевич вышел. Проснулся я через несколько часов. Конюшина в купе не было. Не оказалось его и в ресторане. Не на шутку обеспокоенный, я бросился к проводнику:

— Кажется, мой сосед отстал от поезда. Надо бы собрать его вещи и сдать на ближайшей станции.

Видавший виды пожилой проводник усмехнулся:

— Нашелся ваш сосед. Опохмеляется с дружками в шестом, купейном.

Через час Конюшин явился. Но, боже, в каком истерзанном виде! Пиджак был застегнут с перекосом, галстук съехал набок, волосы взлохмачены, глаза как-то округлились. Он вошел, пошатываясь, подмигнул мне и запел:

— Я здесь, Инезилья!.. До чего же прекрасна жизнь!.. Каким вином нас угощали!.. Жаль, что вы уснули... А теперь душеньке-Павлушеньке пора бай-бай. Спать — и никак! Больше пить — ни капельки!.. Не просите! — замахал он руками, хотя никто его и не собирался просить.

Он стал раздеваться. Непослушный галстук не давался в руки, и Конюшин обратился ко мне за помощью. Потом присел и в припадке хмельной откровенности заговорил:

— Люблю ездить в дальние командировки... Выедешь за Аносовку — и сразу молодеешь... Точно на волю вырываешься после долгого заключения! Это понимать надо... В Средне-Михайловске — сами убедились — я персоне заметная. Под хрустальным колпаком живу и сам чист, как стеклышко... Ничего не попишешь: положение обязывает. Надо служить примером для окружающих. Я и служу... Шагу лишнего не сделаешь, будто стреноженная лошадь. Пивную или там закусочную за квартал обхожу. Даже в праздник рюмочку себе не позволю. Но вот выедешь за Аносовку — это, так сказать, наша пограничная зона — и даешь себе маленько волю. А уж приеду в Москву... — Он не договорил, но было ясно, что в Москве его ничто не удержит и воля будет полная.

До самой Москвы Конюшин с утра до вечера просиживал в вагон-ресторане или присоединялся к какой-то веселой компании в соседних вагонах. Возвращался он всегда на взводе, напевая неизменное «Каким вином нас угощали!..», хотя на проверку выяснялось, что не его угощали, а чаще всего он угощал.

Подъезжая к столице, он вырядился в свеженакрахмаленную рубашку с шелковым галстуком и новым костюм. Поблагодарив за приятное общество, Конюшин любезно предложил свои услуги:

— Если что нужно передать в Средне-Михайловск — пакет или посылочку, — пожалуйста...

Через неделю мне действительно понадобилось передать несколько книг в Карандеевскую библиотеку, и я направился в гостиницу.

Когда я спросил Конюшина, дежурный администратор оглядел меня с ног до головы и многозначительно сказал:

— Поторопитесь, а то не застанете...

Я не сразу узнал Павла Сергеевича. Куда делись его почтенная солидность и важная осанка, которые так покоряли всех в Средне-Михайловске? Осунувшийся, пожелтевший, обмякший, он стоял с чемоданом в руках и потухшим взором шарил по номеру.

— На поезд? — спросил я. — У меня к вам просьба... Посылочку...

— Куда там поезд!.. — мрачно процедил Конюшин. — Сдаю чемодан на хранение, а сам... в командировку... по Указу «от трех до пятнадцати».

Тут он кисло улыбнулся и, встретив мой недоуменный взгляд, признался, что вчера несколько «перебрал». Пригласил из пивной к себе в номер каких-то подозрительных типов. Что было после, не помнит, узнал обо всем только из милицейского акта. Выпили, закусили, снова выпили, разделись и, в чем мать родила, стали играть в «лошадки». С веселым ржанием гарцевали по этажам. Прибежавшего на шум ад-

министратора самолично отхлестал отборной бранью...

— А сейчас иду в народный суд... Так что посылочку я охотно возьму, но попозже. Вас же попрошу отправить в Средне-Михайловск вот эту телеграммку. — И он протянул мне текст:

«Обстоятельства дела требуют продлить командировку минимум пятнадцать дней привет товарищам Конюшину».

Мне ясно представилось, какое впечатление произведет его телеграмма, как сочувственно будут вздыхать ничего не подозревающие друзья и сослуживцы Конюшина:

— Бедняга!.. Не жалеет себя, еще с ног свалится!..

Я отправил телеграмму по назначению и тут же сел за фельетон о «заграничной» командировке П. С. Конюшина.

Пишу о Конюшине, а перед глазами заведующий Якутским финотделом Сантаев. У себя в Якутске Сантаев строг и придирчив. Неумолим, когда обнаружит малейшее нарушение финансовой дисциплины или неэтичный поступок подчиненного. Но стоит ему самому пересечь границу, и он... Коротко говоря, после четырехсуточного шумного празднования Нового года в гостинице «Москва» Сантаев очутился в вытрезвителе.

Разве не Конюшина напоминают инженеры Белов и Резвов? Оба они из Ленинграда, но развлекаются предпочитают в Москве. Зато москвич Мелихов, работающий в авиационной промышленности, желая рассеяться, наоборот, едет в Ленинград.

Ищу подходящие слова в осуждение Конюшина, а вспоминаю рассказы о столичных похождениях директора картины Киниевской киностудии Ниршы и мастеров спорта Коридзе и Чванчеладзе.

Кинодатель Нирша прибыл в Москву якобы для отбора подходящего типажа к новому фильму. А пока что сам перевоплощался... в бражника и ярыгу, которому море по колено.

Чемпионов по вольной борьбе Коридзе и Чванчеладзе зрители часто награждали аплодисментами за ловкость и проворство на арене. Но вот в гостинице «Украина» они применили все свое мастерство к обслуживающему персоналу, а аплодисментов почему-то не было слышно.

Владимир Андреевич Виноградов — технорук межрайонной артели бытового обслуживания в Ярославле. Прибыв в Москву, пропил все до копейки. Даже на билет не осталось. Тогда он похитил из гостиницы одеяло и пододеяльник и на вырученные деньги купил себе билет. Его поймали с поличным. Но он взмолился:

— Пощадите! Вернусь в Ярославль, тут же вышлю деньги! Не станете же вы из-за каких-то паршивых ста восьмидесяти рублей пачкать мое личное дело, калечить мою автобиографию?!

Его пожалели, ему поверили. Он уехал и... забыл адрес гостиницы. А в Ярославле он, конечно, по-прежнему руководит коллективом и служит для всех образцом примерного поведения и добродетели. Точно так же, как и П. С. Конюшин у себя в Средне-Михайловске.

Нужно ли продолжать этот скорбный список нарушителей границ, список конюшинных, которые, переступив границы своего района, выходят за границы приличия? Хватит! И без того все ясно!

И даже выводы ясны: с такими нарушителями надо бороться! Но как? Не устанавливать же особые «пограничные» столбы с перечислением правил социалистического общежития и норм поведения! Ведь эти правила всем и так хорошо известны. Не лучше ли вывешивать на видном месте в учреждениях и предприятиях на всеобщее посрамление фамилии злых нарушителей границ? И делать это, не дожидаясь приговора народных судов.

Так будет, кажется, вернее и полезнее...

Е. ВЕСЕНИН

КОРОТКИЕ БАСНИ

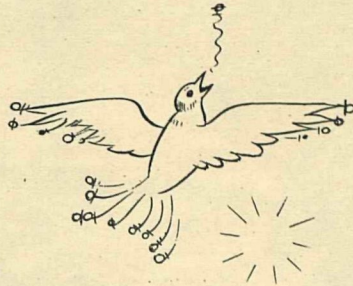
ИНЖЕНЕР-ДУШЕГУБ

Он звался
«инженером душ»,
Но сочинил такую чушь,
Что
прозвучал
из этой чуши
Сигнал:
— Спасите наши души!

БОРОДАВКА

— Я,— говорит,—
высокий пост
несу!
— А где!
— Да у начальства
На носу.

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА (В трех частях)

ЗАГС

— Любишь!
— Да!
— В загс айда..

II
Вскоре
видит
чета:
— Ты — не тот...
— Ты — не та...

III
И вот —
Развод.

ЖАВОРОНОК

Без подъемных
там
и сям —
Сам
Взлетает к небесам.
И звенит,
звенит,
звенит —
Потому и знаменит.

ПОПУГАЙ-КОМПОЗИТОР

Он держится принципа:
С миру по нОтке,
Во всех его песнях —
чужие находки.

КОСТЫЛЬ-СИМУЛЯНТ

Скрипит:
— Пода-а-айте!..
Смотрит нищим...
А от него
разит
вишищем.

НЁ ТОТ ПОДХОД

С Мусором
не справилась
Метла,
Ибо
снизу
Лестницу мела.

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Призналась Мышь:
— Люблю тебя, Крупа,—
К тебе
не зарастет
моя тропа!

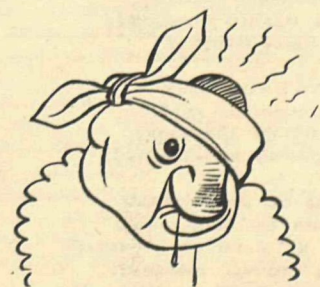
МЕДНОЛОБЫЙ БАРАН

(Всем агрессорам)

Грозил
пробить
Гряду Гранита
лбом:
— Б-о-о-м!!!

ПУДЕЛЬ

Ему шептали
льстивые
уста:
— Вы —
сущий Лев
от гривы до хвоста..
Лишь Лев сказал:
— Послушай, голова,—
Ты Пудель,
А стрижешься
подо Льва.

— ...А еще, батюшка, комсомольское собрание я пропустила и взносы у меня за два месяца не уплачены...

— Ну и старик! Он нам всю спортработу завалил...

ТАБОР

Кочевой

«Ах, расскажи, расскажи, бродяга,
Чей ты родом, откуда ты?..»
Из какой песни взяты эти трогательные слова?

Помнится, что поет такую песню героиня когда-то популярного советского фильма «Последний табор».

Жители города Фрунзе уверяют, однако, что песенка должна быть посвящена не таборным цыганам, которые действуют в этом фильме, а другим кочевникам, также имеющим отношение к отечественной кинематографии. Фрунзенская школа киномехаников ведет кочевой образ жизни. Только с 1 февраля по 15 декабря 1957 года школа переменяла адрес шесть раз!

Теперь школа-бродяга раскинула свой шатер в помещении... гаража. Это обстоятельство доставляет много удобств экскурсоводам, которые показывают приезжающим кузницу кадров киномехаников.

— Вот здесь, — говорят они, — должны быть размещены многочисленные лаборатории школы: электротехническая, по усилительным устройствам, по кинотехнике, по двигателям, по слесарному делу... Однако, как видите, на этом месте нет никаких лабораторий. Заботливые руководители поместили школу в гараже не случайно. Теперь школа в полной боевой готовности к новому переезду.

Говорят, что фрунзенцы предлагают поставить фильм «Последний табор» в новой редакции. При этом они просят крупным планом изобразить на экране организаторов «путешествий» горемычной школы — работников Министерства культуры Киргизии.

Рисунок А. КРЫЛОВА.

Борис ТИМОФЕЕВ

Приглашение к танцу

Бал в клубе молодежи:
«Старейшим» двадцать пять!
Стук каблучков... Ну, что же,
Когда ж и танцевать!

Оркестр гремит на хорах.
Как зеркало паркет.
...Вам одного «танцора»
Я покажу портрет.

Минуя раздевалку,
Самодоволен, груб.
Шагает он вразвалку,
Небрежно вскинув чуб.

Когда бы не впустили,
Пошел бы напролом...
...«А ну! Танцуешь стилем!
Чего стоишь, пойдём!»

Рванет девицу с места
И глазом не моргнет,
А в случае протеста
Ее же и ругнет...

Привык верзила этот
Нахальством оглушать
И свой имеет «метод»
На танцы приглашать.

Ну, что ж! По «кавалеру»
И нужен «этикет»:
Взять под руки, к примеру,
И отвести... в пикет!

Ленинград.

— Нам грустно потому, что весело тебе...

Вошла в образ.

ВИЛЫ В БОК

Когда дело—табак

Есть в Павлодарской области такой молодой горняцкий город Экибастуз.

Люди в этом городе не курят. Вот уже шесть месяцев, как в его лавках, магазинах и киосках нет ни папирос, ни сигарет, ни табака.

А знаете, кто отучил экибастузцев от курения?

Не врачи-гипнотизеры, не деятели санитарного просвещения, а торговые плановики.

Они забыли включить Экибастуз в «план завоза табачных изделий», и целый город автоматически попал под действие антитабачного «сухого закона».

Конечно, экибастузские «курцы» как-то устраиваются. Бегают на вокзал и вымаливают у пассажиров проходящих поездов «хоть полпачечки «Беломора» или посылают жен и дочерей в соседние поселки за табаком и папиросами. И очень часто можно слышать, как заядлые экибастузские курильщики говорят:

— Тыфу, черт, до чего же курнуть охота! Кажется, хоть на опилки переходи!

Опилек добыть — задача несложная, если есть пила. В Экибастузе эту задачу решить можно. А вот в Саргатском районе, Омской области, опилек не достать, дровишек там не пилят по той простой причине, что достать

самую обыкновенную пилу в магазинах района физически невозможно. Об этом в «Крокодил» написал В. В. Фирстов, убивший четыре года на безрезультатную охоту за пилой.

Думается, что и тут дело без плановиков не обошлось: пилу тоже не «спланировали». И не они ли, плановики, оставили без оберточной бумаги магазинны орса Печорской железной дороги и Архангельского торгова в г. Котласе? В Котласе покупателям приходится «грузить навалом» в свои сетки и сумки сырое мясо вместе с конфетами без обертки, колбасу с мылом, капусту с обойными гвоздями.

Взять бы такого «плановика» да и отправить на полгода пожить в Экибастуз, если он курящий, в Саргатский район, — если не любит сидеть без дров, в Котлас, — если не выносит, когда любительская колбаса пахнет земляничным мылом! Авось, тогда научится планировать как следует!..

Подвели

Перед нами образец каменного зодчества конца 1957 года, дающий наглядное представление о работе строительной конторы № 3 треста «Бокситстрой». Это новый четырехэтажный 60-квартирный дом в центре города Североуральска. Только-только подвели его под крышу, а он, со своей стороны, взял да подвел прораба тов. Сахарного и его подручных: стал разваливаться прямо на глазах у потрясенных горожан!

Впрочем, горожане уже не впервые наблюдают такое волнующее зрелище: весной 1957 года скорострительно обрушилась почти вся стена другого четырехэтажного дома, который сооружали бракоделы из той же строительной конторы № 3.

Говорят, нет худа без добра. Горько сожалеть, что трест «Бокситстрой» из месяца в месяц срывает план строительства в Североуральске, руководители треста тт. Карлюков и Улыбин могут утешаться приятной мыслью: дескать, еще хорошо, что новые стены разваливаются не под звон бокалов, подымаемых новоселами, а, так сказать, заблаговременно.

В КРОКОДИЛЬСКОЙ СЕМЬЕ...

Разрешите, дорогой читатель, представить тебе большую и дружную крокодильскую семью. Слева от Крокодила сидит популярный украинский «Перець», чьи веселые страницы доставляют подчас много не веселых минут чиновникам, бюрократам и прочим завсегдатаям его фельетонов, стихов и рассказов.

Рядом с «Перцем» расположились «Веселые картинки». За ними — однофамилец украинского «Перца» молдавский «Кипаруш» («Перчик»). Рядом стоит латышский «Дадаис» («Чертополох»). Ему всего один год, но он уже старается шагать в ногу вместе со своими старшими по возрасту собратьями. Затем мы видим умудренного опытом белорусского «Вожька», полного сил татарского «Чаяна» («Скорпион»), еще более молодого башкирского «Хэнэка» («Вилы»); вместе с ними за столом восседают: чувашский «Каткан», киргизский «Чалкан» («Крапива»), литовский «Шлута» («Метла»), марийский «Пачемьш» («Оса»). Между ними стоит наш старый знакомый — грузинский крокодил «Нианги».

По другую сторону стола сидят сразу три ежа: армянский «Возни», азербайджанский «Кирпи» и таджикский «Хорпуштук», — а рядом с ними туркменский «Токмак» («Колотушка»), казахский «Ара» («Шмель»). Затем мы видим узбекский «Муштум» («Кулак») и эстонский «Пиккер» («Громовержец»).

Художник И. Семенов изобразил нашу семью в тот момент, когда она обсуждает свои планы на 1958 год.

В этих планах большое место отводится лоджиям и зажимщикам критики, пьяницам и пошлякам, хапугам и подхалимам, мещанам и спекулянтам, хулиганам и бракоделам.

Не забудем мы и наших старых, но недобрых знакомых: горячих вдохновителей холодной войны, фабрикантов оружия и продавцов лжи, пафосных клеветников и сверхвоинственных генералов и прочих врагов мира на земле.

Собравшиеся с величайшим удовлетворением констатировали, что в истекшем году смех звучал у нас в стране от Белого и до Черного моря, от предгорий Тянь-Шаня, Кавказского хребта и до Владивостока.

И этот смех был ярким свидетельством наших великолепных успехов, нашей душевной бодрости, нашего морального здоровья.

У нас было много поводов для хорошего настроения.

Мы увеличили объем промышленного производства и, несмотря на засуху, собрали урожай больший, чем в 1953 году.

Мы построили восемьсот крупных промышленных предприятий и сорок восемь миллионов квадратных метров жилой площади.

Мы запустили в космос спутников.

Да, хорошее настроение не покидало нас!

Правда, мы смеялись не так, как это хотелось публицисту парижского еженедельника «Ар» некоему Жаку Стернбергу. Он, например, недоволен нашими карикатурами. В их рисунках «нет эротики, нет пикантности, нет жестокости, нет безумия...» Ах, какой кошмар! В наших юмористических журналах не найдешь голых коковок, адюльтерных сюжетов или каких-нибудь смешных жестокостей. Скажем, гангстер перебивает свою жертву. Смешно? Обхохочетесь! Внук поджигает свою бабушку. Подпись: «Почему она не горит? А с нее и так сыплется пепел». Просто можно помереть со смеху от такой смешной жестокости!

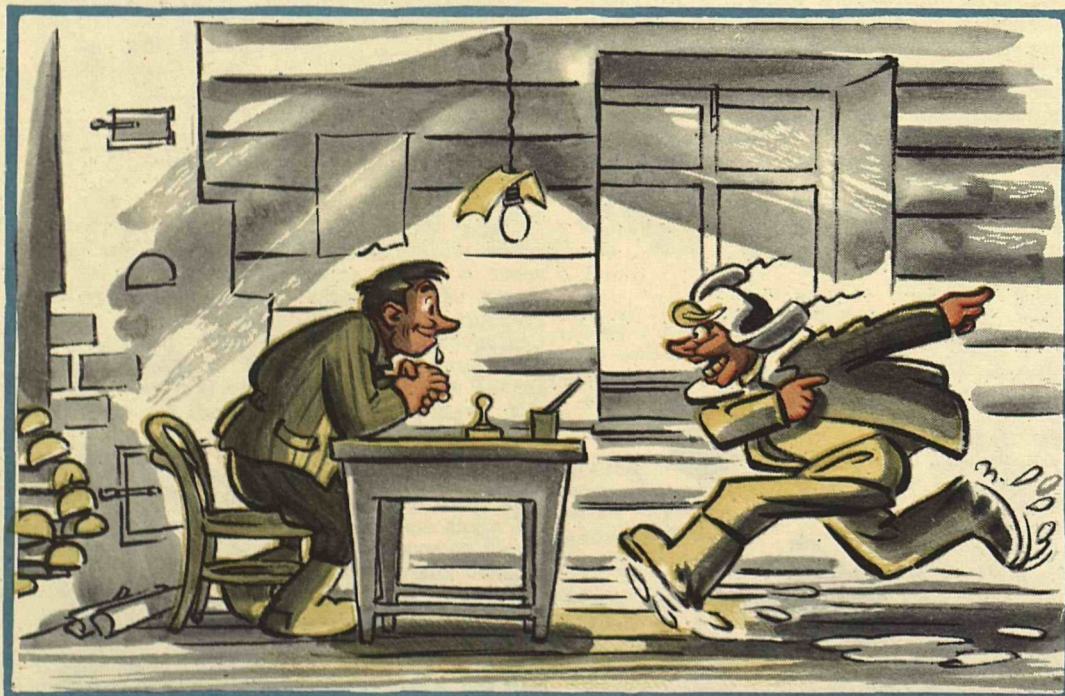
Мы должны огорчить редакторов парижского «Ар». Мы отказываемся от скабресных анекдотов, от горячей бабушки, от юмора, который пахнет гарью, домом терпимости и сумасшедшим домом.

Мы будем продолжать смеяться во весь голос смехом здорового, сильного, жизнерадостного, уверенного в завтрашнем дне человека.

Во многих районах местные организации не ведут борьбы с самогонварением.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Я обнаружил злостных самогонщиков! Берите закуску и скорее на место преступления...

Лежат к

— Господин Онегин, прошу вас подвинуться немного, мне тесно.

— Мадам Бовари, поверьте (совесть в том порукой), я бы не посмел стеснять вас. Но на меня навалились дети капитана Гранта.

— Да, детям в подобных условиях нестерпимо. Вы слышите голос младенца, который доносится из тома Жуковского: «Родимый... мне душно, мне тяжело дышать?»

— В спертom воздухе при всем старании не отдышишься!... Это, как всегда лаконично, высказался Козьма Прутков.

С ним полностью соглашаются семья Оппенгейм, братья Карамазовы, Тарас Бульба, Иван Иванович. Активно протестует против положения, создавшегося в Алтайской краевой библиотеке, и Настоящий человек.

Настоящий человек не только тот, который принадлежит перу Бориса Полевого, но и тот, что после трудового дня приходит в читальню, в библиотеку; он не понимает, как можно с таким холодным равнодушием относиться к людям, любящим книги, и к самим книгам.

Чтобы выяснить этот вопрос — о равнодушии и о судьбе библиотеки, — собралась в Барнауле многочисленная конференция читателей.

На конференции выступали рабкоры, студенты, аспиранты, инженеры...

Для них библиотека — родной дом; Пушкин, Гоголь, Толстой, Маяковский, Шолохов — кровная родня; а работники библиотеки — добрые друзья.

Правительство ФРГ добивается отмены принятого Союзническим контрольным советом решения о роспуске гитлеровской национал-социалистической партии и всех ее организаций.

Рисунок М. АБРАМОВА.

НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ...

Из альбома туриста

Рисунки Иштвана ЭНДРЕДИ (Венгрия) для «Крокодила».

АБХАЗСКАЯ КАРТИНКА

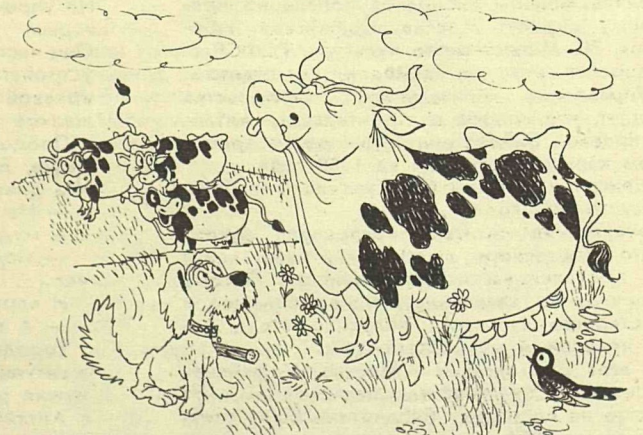
— Сбегай, сынок, принеси мне спички...

В СУХУМСКОМ ОБЕЗЬЯНЬЕМ ПИТОМНИКЕ

— Не волнуйся, мой маленький, решетки надежные!

ИЗ ОКНА ВАГОНА...

После возвращения с сельскохозяйственной выставки.

Из последних известий

Божественная механизация

Преподобный Джонс, пастор протестантской церкви в Скарсдэйле (США), явился автором нововведения, которое осчастливило всю его загруженную делами паству.

Как сообщает нью-йоркская газета «Дейли ньюс», Джонсу удалось автоматизировать молитвенный процесс. Он записал соответствующие тексты на пленку и произвел некоторую реконструкцию своего телефонного аппарата. Теперь любой клиент пастора, набрав нужный номер, может принять участие в том или ином молебствии без отрыва, так сказать, от своего бизнеса.

Достославное начинание пастора Джонса представляется тем более драгоценным, что до сих пор в Соединенных Штатах с религиозными отправлениями не все в порядке.

Взять, например, выступления более или менее ответственных государственных мужей. Как известно, нет такой речи, в которой они не рассуждали бы о благотворном влиянии всевышнего на американскую внешнюю политику. Известно также, что любая речь подобного рода состоит из трех разделов: а) о боге, б) о текущем моменте, в) о боге. Спрашивается, разве не следовало бы ввиду неизменности пунктов «а» и «в» записать их на пленку, дабы проигрывать всякий раз в соответствующих местах речи? Вопрос же о текущем моменте оратор может превосходно разъяснить своими словами, имея перед глазами по-

следние инструкции государственного департамента.

Как бы там ни было, на загруженность руководителей американской пропаганды следовало бы обратить внимание. Ведь как много им, беднягам, приходится распространяться вкривь и вкось о своей приверженности к «божественным принципам»! Просто не хватает времени подумать о таких «мелочах», как например, разоружение...

Финансовая справедливость

Фриц Шеффер — в прошлом министр финансов, а сейчас министр юстиции боннского правительства.

Как рачительный финансист, Шеффер добился решительного сокращения государственных расходов на выплату пенсий жертвам нацистского режима.

Во втором своем качестве, как министр юстиции, Шеффер выхлопотал пенсию в размере 900 марок в месяц доктору Лауцу — бывшему нацистскому судье, который в свое время подписал несколько сот смертных приговоров антифашистам. Шеффер может сказать, что пенсия исчислена из очень скромного расчета — всего лишь по марке за каждый смертный приговор.

Счет обычно предъявляют палачам. Но пока что в Западной Германии счета предъявляют сами палачи. Причем по этим счетам платят!

Добровольцы поневоле

Когда вольтеровский Кандид, изгнанный с позором из замка барона Тундер-тен-тронка, печально остановился у дверей кабака, его заметили двое дюжих молодцов. Они пригласили его зайти в кабачок, где и произошел следующий диалог:

— Ведь вы, конечно, нежно любите...

— О да, — ответил Кандид, — я нежно люблю Кунигунду.

— Нет, мы вас спрашиваем, любите ли вы нежно болгарского короля?

— Нисколько, — сказал Кандид. — Я же его никогда не видал.

— Как! Это милейший из королей, и нужно выпить за его здоровье.

— Очень охотно, господа!

Удостоверившись, что Кандид выпил, почитатели болгарского короля сказали, что вот теперь он опора, защита, заступник болгарского трона. Судьба Кандида была таким образом решена и слава обеспечена.

Тотчас на ноги ему надели кандалы и угнали в полк.

Повесть о Кандиде написана почти двести лет назад. Однако приведенный диалог не утратил своей актуальности и в наши дни. Вот как выглядел бы разговор в кабаке сейчас:

— Нет, мы вас спрашиваем, любите ли вы нежно французских генералов, сражающихся в Алжире?

— Нисколько! Говорят, они прощались только гнусными зверствами...

— Как! Это чудеснейшие из смертных, и нужно выпить за их здоровье.

И так далее — почти точно по Вольтеру. Однако документальности ради сошлемся на бельгийскую газету «Суар». Как пишет «Суар», молодой бельгиец В. из города Свевегем (провинция Западная Фландрия) сидел за столиком своего излюбленного кафе, когда к нему подсел незнакомый француз. Как водится, завязался разговор, и в конце концов француз предложил своему собеседнику сходить «попробовать пивка во Франции», благо для перехода границы не требуется никаких формальностей. Французское пиво, видимо, отличалось не столько вкусом, сколько снотворными свойствами.

Проснулся В. на следующий день в казарме французского города Лилль. Тут ему сообщили, что его «судьба решена и слава обеспечена», — он солдат французского иностранного легиона, и путь его лежит в Алжир.

— Нет следствия без причины, — комментировал бы такой способ вовлечения молодежи во французский иностранный легион скромный Кандид.

И верно, причина есть более чем веская: правители Франции судорожно цепляются за остатки своих колониальных владений в Северной Африке.

Спрашивается, во имя какого идеала французской (да и не только французской) молодежи предлагается умирать на каменистых дорогах Алжира? Увы, этот идеал тот же, что и во времена прусских ландскнехтов. А именно — денежный мешок.

Г. ФОКЕЕВ

АМЕРИКАНСКИЙ РАКЕТОНОСИТЕЛЬ.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ВАЖНОСТИ

В эти дни западная пресса прилагает максимум усилий, чтобы отвлечь внимание читателей от важнейших проблем современности, в частности от растущего во всем мире требования переговоров. Естественно, что и на пресс-конференциях в Белом доме часто задаются совершенно не относящиеся к делу вопросы. Пародию на одну из таких пресс-конференций у Дж. Хэгерти, секретаря президента США, написал обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Арт Бухвальд.

Вопрос. Чья это была мысль, чтобы президент лег спать вчера вечером?

Ответ. Могу вам сообщить, что это была идея самого президента.

Вопрос. Что он сказал перед сном государственному секретарю?

Ответ. Он сказал: «Спокойной ночи, Фостер».

Вопрос. Не могли бы вы сообщить нам, что именно

снилось ночью президенту и в какой последовательности?

Ответ. Нет, президент никогда не делится со мной своими снами.

Вопрос. Сколько было одеял на постели, когда президент заснул?

Ответ. Может быть, два, а может быть, три. Но, безусловно, не больше того количества, которым президент обычно пользуется.

Вопрос. Могло ли одно из одеял сползти на пол во время сна?

Ответ. Да. Такая возможность не исключается, хотя она и маловероятна.

Принято считать, что для пародии характерно преувеличение. Что касается пародии Арта Бухвальда, то преувеличено здесь, к сожалению, очень немного.

Золотой петушок

(из мира фантастики)

В кабинет директора швейной фабрики Тихона Петровича Шорникова несмело вошел человек с большой картонной коробкой. Сухопарый и длинный, напоминавший единицу из тетради первокурсника, он сделал несколько шагов к директорскому столу и представился:

— Инженер Девяткин.

— Что вы хотели? — спросил директор так, будто приветливость никогда и не существовала на белом свете.

Посетитель сделал еще два неуверенных шага.

— Я изобретатель...

— А-а... Новый Кулибин, значит.

Инженер Девяткин хлопнул ладонью по коробке:

— А здесь вот изобретение, так сказать, мое детище.

— У-гу! Перпетуум-мобиле, значит... А вас, собственно, кто ко мне пустил?

Изобретатель виновато заморгал и оглянулся на дверь.

— Там никого не было...

— Тем более вы не должны были врывать... Я же занят. Я через пять минут уезжаю.

— Через пять минут? — обрадовался изобретатель. — Прекрасно! Этого вполне хватит. Стоит вам взглянуть на мою машину — и вы ее с руками оторвете...

В несколько мгновений изобретатель извлек из коробки какой-то механизм, водрузил его на стол, выдернул из розетки вилку настольной лампы и вставил в нее другую, от своей машины.

— Готово! — гордо сказал он.

— Ч-что это? — спросил отшатнувшийся назад Тихон Петрович.

— Золотой петушок.

— Как? Золотой пету... Что еще за сказки Пушкина?

Тихон Петрович с опаской глянул в лицо изобретателю. Кажется, нормальный, без лихорадочного блеска в глазах. Он перевел взгляд на машину: головка с подобием клюва, железное туловище и вместо хвоста веер рычагов. В общем, ничего страшного. Тихон Петрович саркастически улыбнулся:

— На петуха это, может быть, и смахивает, но золотом тут не пахнет.

— Золотой он потому, что польза от него будет большая.

— Так, так! Будет, значит? Польза, значит? А что он, извините, умеет делать, ваш петушок?

— Это автомат для пришивания пуговиц.

— Для пришивания пуговиц?

— Для скоростного и прочного!..

— Пуговиц?!

— Да.

— Пут... Да вы в своем уме?!

— А что? Вы посмотрите на его работу. Вы только посмотрите! — Изобретатель выхватил из кармана суконный лоскут, положил его перед «петушком» и передвинул в хвосте какой-то рычаг.

«Петушок» начал клевать с повышенной, явно не птичьей быстротой. Не успел бы Тихон Петрович, если бы смотрел на автомат, глазом моргнуть, как лоскут весь покрылся рядами пуговиц, наподобие мундира кавалергарда. Девяткин протянул лоскут директору фабрики:

— Попробуйте-ка открутить хоть одну.

Но Тихон Петрович не удостоил взглядом «петушковую» работу.

— Вы газеты читаете? — спросил он, позевывая.

— ???

— Я спрашиваю, вы знаете, что на данном этапе творится в технике? Фантастика претворяется в жизнь! Спутники уже летают!

— Да! Это удивительно!

— Спутники!

— Техническое чудо!

— Спу... О, черт возьми! А вы с какой ерундой ко мне лезете?!

— Но я слышал, что у вас на фабрике пришиванию пуговиц — узкое место; как говорится, зашивается на этих операциях.

— Спутник — и пуговицы! — все больше распалялся Тихон Петрович.

— ...И потребители жалуются. Говорят, если не хочешь ходить без пуговиц, перешивай их сразу, как костюм из магазина принес.

Тихон Петрович не слушал его.

— На Луну, на Марс скоро полетят, а вы витаете в туманном прошлом, пуговицами занимаетесь! Возьмитесь еще автомат для плетения лаптей изобретать! Ха-ха-ха! Кибернетика, фантастика — и пришиванию пуговиц! Космос — и штаны!

Изобретатель смущенно улыбнулся.

— Но ведь и на Марс, простите, без штанов не полетят: и холодно, и марсианки будут покированы.

Тихон Петрович задохнулся от благородного негодования.

— Вы... вы опощляете науку! Приземляете технический прогресс! Вы алхимик со своим «петушком»! Уносите его, пока я не позвал наших сборщиков утиля!

Директор фабрики мог сказать все, что угодно, но только не эти обидные слова. Добрые глаза изобретателя загорелись гневом.

— Ах, так! Моего «петушка» в утиль?! А ну-ка, Петя, покажи, на что ты способен!..

Инженер Девяткин передвинул в хвосте машины два рычага. «Петушок» лягнул пружинами, спрыгнул на подлокотник кресла и с молниеносной быстротой начал клевать директора в живот.

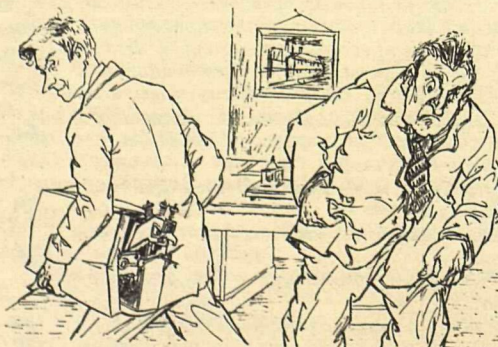
— Ай-ай! — в ужасе завопил Тихон Петрович, но «петушок», не причинив ему ни вреда, ни боли, уже прыгнул обратно на стол; изобретатель сунул его в коробку — и был таков!

— Да как вы смеете! — закричал ему вслед опомнившийся Тихон Петрович. — Кто вам дал право распускать тут вашего идиотского «петуха»? Я отправлю вас вместе с ним в милицию!..

Тихон Петрович высочил из-за стола, собираясь догнать изобретателя, но... Перед дверью на поясице у него все вдруг странным образом ослабло, распустилось, и его брюки, не считаясь ни с какими правилами приличия, скользнули на пол.

На мгновение Тихон Петрович остолбенел. В этот необычайный миг он живо напминал какого-нибудь левого полусреднего футбольной команды, раздевающегося перед матчем. Правда, его мощные кривоватые ноги успели заплывть жирком благополучия, но мало ли у нас маститых рыцарей кожаного мяча, которые по части жировых накоплений тоже маху не дают!

«Трогательная получится картина, если сейчас войдет секретарша!» — мелькнула у Тихона Петровича первая осознанная мысль.

Это заставило его действовать. Он энергично водворил брюки на место с намерением призвать их к порядку, но... Это уже второе «но» после ухода изобретателя, не менее неприятное, чем первое. На брюках не оказалось ни одной пуговицы, ни одного крючка.

— Проклятый «петушок», он склевал у меня все пуговицы! — похолодел Тихон Петрович. — Что же мне делать? Ведь уже пора ехать в совнархоз!

Тихон Петрович отчаянно плюхнулся в кресло и выдвинул ящик стола, насколько позволял живот. Секретаря в приемной поднял на ноги свирепый звонок.

— Мастера ко мне из цеха с иглой и набором пуговиц! В аварийном порядке!

— Минуточку. Сейчас позвоню, — невозмутимо отозвалась появившаяся в двери секретарь. Взгляд ее говорил: «Не вижу тут никакой аварии».

— Ловко, подлец, сработал! — вздыхал Тихон Петрович, дергая беспомощно повисшие подтяжки. — Ох уж мне эти доморощенные изобретатели местного масштаба! Одни неприятности от них. Надо наш «бриз» отсюда куда-нибудь подальше переселить...

Бесстрастные часы отсчитали десять минут. Директор, сидевший в ожидании иглы как на иголках, снова потряс приемную звонком.

— Где же мастер?

— Минуточку. Сейчас узнаю. — Секретарь скрылась, а через пять минут доложила: — Выписывают накладную на пуговицы.

— Ах, бюрократы! Пусть без накладной берет горсть любых — и одна нога там, другая здесь!

— Минуточку. Сейчас передам команду.

— Как бритвой, мерзавец, обрезал! — качал головой Тихон Петрович, разглядывая хвостики ниток на тех местах, где были пуговицы. — Нет! Переселил наш «бриз» на хозяйственный двор! Туда, к автобазе!

Неумолимые часы отсчитали еще десять минут. Рука Тихона Петровича снова потянулась к звонку, но... Это уже претье «но» после ухода изобретателя. В кабинет вошла женщина с целым набором иглол на отвороте кофты, напоминавшем газыри.

— Что вам? — затрепетал от ужаса Тихон Петрович и потянул ящик стола на себя.

— Звали мастера с пуговицами...

— Вы в своем уме? — пролепетал несчастный директор. — Я звал мастера, понимаю, мастера!

— Я и есть мастер пуговичного участка, что же вы, не знаете?

— О, черт!.. То есть я хотел сказать, очень приятно. Хе-хе-хе! Только знаете что... Хе-хе! Оставьте мне иголку с ниткой и пуговицу, а сами идите в цех. Вы там очень нужны. Очень нужны. Да скажите секретарше, чтобы никого не пускала и сама, боже упаси, не входила...

Нужно обладать даром Достоевского или Шекспира, чтобы достойно описать муки Тихона Петровича. Никогда не держал он в руках иголку с ниткой — и вдруг на тебе: пришивай пуговицы прямо на себе, да еще через такой, надо признаться, солидный живот! Как, оказывается, трудно попасть на ощупь иглой в дырочку пуговицы сквозь сукно, какой непослушной бывает нитка, скручивающаяся узлом при каждом стежке, и — о дьявол! — как дорого обходятся неверные движения! Тихон Петрович поторопился и вонзил иголку в палец. Он взревел от боли и тут же испугался, что на его крик прибежит секретарь.

Но она ничего не слышала. Дверь кабинета была плотно обита. А за другой стеной от нее гудели цеха. Там шили прозаические штаны и кое-как прихлестывали к ним не имеющие отношения к фантастике пуговицы.

(юридическая консультация)

1. Можно брать с браконьеров честное слово, что они не будут больше браконьерствовать.

2. Проводить разъяснительную работу среди животных.

3. Наиболее кровожадных браконьеров приучать к вегетарианской пище.

4. Если же все эти средства не помогут, то браконьеров можно отдавать на суд зверей.

Примечание Крокодила. Есть, правда, и еще один способ — привлекать браконьеров к уголовной ответственности. К сожалению, этот способ не пользуется популярностью среди работников суда и прокуратуры.

— Дорогой Крокодил, а почему ты не пользуешься рекламой? — спрашивают некоторые читатели. — Ведь твой товар такого рода, что особенно в ней нуждается.

Последовав этому полезному совету, Крокодил решил показать товар лицом.

Глядя на эту картинку, невольно вспоминаешь приключенческий фильм «Следы остаются». Разница только в том, что здесь остаются следы вместе с подметками. Кирзовые сапоги, изготовленные Семипалатинской обувной фабрикой, отличаются способностью распадаться на составные части в самые сжатые сроки. Сначала отделяются подметки. Потом отрываются задники. И, наконец, от голенищ отваливаются голозки. Весь процесс, как сообщает счастливый обладатель таких сапог тов. Андрияшкин, укладывается в 25—30 дней. →

Это злополучное существо было нами выпрошено у жительницы города Челябинска Е. Г. Ильченко.

— Дорогой Крокодил, — возражала она, — наша кукла не подходит для твоего универмага по стоимости: мы отвалили за нее 95 рублей!

— Зато она подходит мне по качеству, — заверил Крокодил, — а о цене я обязательно сообщу нашим читателям.

Кукла появилась на свет божий в результате творческих усилий артели имени 8 марта, подведомственной Московскому городскому союзу художественных промыслов. Ноги и руки ее, слегка прикрепленные к туловищу штопальными нитками, свободно отделяются даже при легком прикосновении к ним. Поэтому родителям, купившим куклу для своего чада, следует чаду ее не давать, а, не вынимая из коробки, положить на шкаф и забыть о ее существовании, махнув рукой на выброшенные деньги. ←

Вы видите фигуру пожарника, потрясающего коробкой спичек.

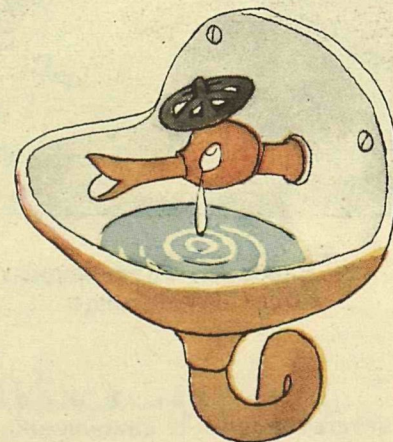
— Граждане, пользуйтесь только спичками фабрики «Белка» из города Слободского! — радостно сообщает он. — Спички эти с резко пониженной загораемостью, их даже можно давать детишкам поиграть.

Рыба бывает, как вы знаете, разная: сушеная, соленая, вяленая, маринованная. А кто из вас видел... мумифицированную рыбу? Именно такая редкость продавалась в магазине № 36 «Рыба и мясо» пицеторга города Йошкар-Ола. Три экземпляра воблы-мумии, состоящей из хрупкого скелета и хорошо подсохшей чешуи, нам любезно прислала читательница З. Д. Айплатова.

Вот перед вами туалетный кран, носящий ласковое название «Уточка». Изготовлен Ростовским механическим калориферным заводом (сокращенно РМКЗ). Отличается тем, что, подобно Бахчисарайскому фонтану, неиссякаем. Можете крутить его сколько душе угодно, вода течет из крана непрерывно, а сам кран в это время шипит, как рассерженный гусак.

Тернопольским связистам, приславшим в наш универмаг эту красивую, но малополезную вещь, мы хотим дать совет. Во-первых, перекроить воду. Потом отвинтить и выбросить «Уточку». И, наконец, найти такой кран, на котором нет марки «РМКЗ». Пожалуй, с этого можно начать. →

Дорогой Крокодил!

Дружеский шарж И. СЕМЕНОВА.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Знаешь ли ты, как работники общественного питания могут легко и просто избавиться себя от жалоб и нареканий?

Ты скажешь, что для этого нужно лучше и вкуснее готовить? Быстро и культурно обслуживать? Ничего подобного. Совершенно незачем заводить такую канитель.

Нужно только быстро и своевременно подавать недовольному посетителю книгу жалоб. А когда он сделает соответствующую запись, заверить, что меры будут приняты, и проводить посетителя за порог. Затем взять книгу жалоб и аккуратно выдрать оттуда листки с жалобой.

Все вопросы о деталях описанного нами способа просим направлять по адресу: город Шахты, Ростовской области, директору фабрики-кухни тов. Озерову. Он и есть автор этого способа.

В. СКРИПИЦЫН,
С. ПЛАХОТА.

г. Шахты.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

С чувством большой досады должны тебе признаться: несмотря на то, что прошла уже добрая половина зимы, в городе Остро-

гожске, Воронежской области, процветает лишь такой несезонный вид спорта, как марафонский бег. Участники этого бега постоянно циркулируют между городскими и областными торговыми организациями, оглашая кабинеты и канцелярии громкими, однообразными кликами: «Дайте лыжи! Дайте коньки! Дайте лыжные костюмы и ботинки!»

Но в ответ они получают не менее однообразные напутствия. — Бегите, милые, в Воронеж, — ласково говорят местные руководящие деятели торговли гг. Колесников и Худяков. — Спросите там в областных торговых организациях, почему они не отгружают нам спортивный инвентарь.

А из Воронежа бегунам дают старт обратно на Острогожск: дескать, обращайтесь в ваши местные торговые организации.

И ведь вот что знаменательно: уже который год заблаговременно подаются заявки на зимний спортивный инвентарь, но результат один: марафонский бег по инстанциям — и ничего похожего на благополучный финиш.

М. КРАВЦОВ,
С. БАХОРИН.

г. Острогожск,
Воронежской области.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

«Абоненту Чебоксарского радиоузла № 370

тов. БЛОХИНОЙ М. В.,
ул. Винокурова, д. 6

ИЗВЕЩЕНИЕ

Проверкой работы абонбюро Чебоксарского радиоузла установлено, что Вами 13 ноября 1957 года при внесении абонплаты за радиослушание за XI—XII месяц 1957 года не уплачено пени за просроченные платежи в сумме 0—15 копеек.

Просим Вас подтвердить уплату пени за указанное число, с указанием суммы уплаты.

С ответом просим не задерживать с возвращением в управление связи данного извещения.

Начальник Чувашского республиканского управления Министерства связи РСФСР

М. Дмитриев.

Старший инженер по контролю
Е. Буланкин.

7 января 1958 г.,
г. Чебоксары»

На этом выразительном документе Крокодил наложил следующую резолюцию: «Стойким борцам за копеечную пеню — пламенный привет. Перевожу телеграфом пятнадцать копеек. Молнируйте получение. В случае неполучения этой пени по абонплате в абонбюро шлите нарочного Москву, квартирные и харчевые ваш счет. Крокодил».

Семен Давидович НАРИНЬЯНИ

(К пятидесятилетию со дня рождения)

Желаю я, чтоб наш Семён
И впредь в сатиру был влюблён
И чтоб ничто не охладило
Его воинственного пыла!

КРОКОДИЛ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00922. Изд. № 17. Подписано к печати 29/1 1958 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 201. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

40

8 ФЕВ 1958

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экземпля.
1958 г.

3330

В Западной Германии широко распростра-
няется фашистская литература.

— Нет, благодарю, я слишком дорого заплатил за их первое издание...